

Россия в начале первой мировой войны: метаморфозы оценок в периодической печати

Статья посвящена изменениям оценок и мнений в российской периодической печати 1914-1915 годов. В это время страна принимает участие в Первой мировой войне. После первых побед военные действия принимают затяжной характер и на смену победной эйфории приходит трезвость оценок и признание некоторых ошибок. На примере наиболее популярных изданий рассматривается процесс изменения общественного мнения и точек зрения политиков и журналистов

Ключевые слова: Газеты, политика, оценки, цензура, Первая мировая война, изменения

V.S.Cherepenchuk

Russia at the beginning of the First World War : metamorphosis of estimates in the press

The article is devoted to changes in the estimates and opinions of Russian periodicals in 1914-1915. At this time the country takes part in the First World War. After the first victories the military actions are taking protracted character and the euphoria is changing to the recognition of some errors. Through the materials of the most popular newspapers is presenting the process of changing public opinion and the views of politicians and journalists.

Keywords: Newspapers, policy , evaluations, censorship, First World War, changes

Любое крупное событие находит отражение на страницах газет. Даже принимая во внимание возможную политическую ангажированность многих печатных органов (эта особенность проявляется как в современном обществе, так и на страницах газет начала XX столетия), нужно признать, что изучение периодической печати в рамках рассмотрения той или иной проблемы истории может иметь огромное значение. Конечно, нужно учитывать и такие моменты, как плохая сохранность части газетных фондов России, целенаправленное уничтожение образцов (например, «белогвардейской» печати после победы большевиков в Гражданской войне). Но в целом газетные фонды крупных городов России (в частности, речь идет о Российской Национальной библиотеке Санкт-Петербурга) позволяют создать достаточно целостную картину – особенно когда речь идет о столь глобальных событиях, как революция 1917 года, Первая мировая или Гражданская война.

Начиная с лета 1914 года большинство военных операций и событий, прямо или косвенно связанных с происходящим на фронте, было представлено на газетных полосах. Конечно, основную массу изданий представляли газеты, более или менее соответствовавшие правительственной линии – несмотря на продекларированную Манифестом 17 октября 1905 года свободу слова, жесткая критика верховного командования или откровенные сомнения в «победных» перспективах России могли быть чреватые закрытием издания.

Но все же даже в таких условиях можно выделить несколько основных тенденций: урапатриотические призывы первых дней войны сменяются более или менее осторожным анализом событий на фронте, отчеты о «невероятном единении» богатых и бедных, революционеров и чиновников уступают место признанию, что патриотический накал все же не может замаскировать имеющиеся экономические и политические проблемы. В то же время периодическая печать на протяжении всей войны продолжает выполнять одну из

своих функций – не просто информирование населения о происходящем, но и формирование общественного мнения.

Проиллюстрируем сказанное, привлекая статьи из наиболее массовых и популярных российских газет 1914-1915 годов. Именно в этот период на страницах периодической печати размещаются наиболее показательные заметки: патриотический подъем и единение «всех слоев» не могут замаскировать проблем со снабжением солдат на фронте, эйфория по случаю взятия Перемышля сменяется унынием в связи с началом «Великого отступления»...

Итак, «Московские ведомости», представлявшие проправительственную точку зрения, в последние мирные дни писали:

«Видит Бог, вся Россия во главе со своим Державным Вождем стояла против войны и готова была пойти на самые крайние меры, чтобы способствовать укреплению мира. Но существует граница, за пределами которой невозможны мирные переговоры, и меч должен быть обнажен. Австрия и Германия перешли эту границу, и дипломатам волей-неволей приходится отойти на задний план, чтобы дать место вооруженным силам, явившимся для кровавого разрешения затянувшегося спора.

В полном единомыслии русское общество готовится встретить роковой момент. Смолкли партийные раздоры, и вчерашние ярые противники готовы по-братски протянуть руку друг другу, готовы идти одним путем в эти полные тревоги, грозные дни. Никто у нас не закрывает глаз на выдающуюся серьезность переживаемой нами поры, все прекрасно понимают, каких гигантских жертв требует надвигающаяся война и какими жуткими неожиданными потрясениями грозит она нашей родине. (...) Хорошее это сознание, что после кошмарных революционных лет мы в одно утро проснулись только простыми русскими людьми, болеющими общей скорбью за нашу святую мать Россию, которой грозил, которую оскорблял внешний враг, исполненный надменной гордыни» [6]

После начала войны газета продолжила публиковать материалы, разыгрывавшие карты славянского единства, «величия войны», верности россиян престолу («русские пойдут туда, куда поведет их Самодержавный Вождь России»), мирных устремлений России, которым не дала осуществиться агрессивная политика врагов:

«И германская печать, несомненно, по указанию руководителей политики, восстанавливала германское общественное мнение против России, доказывая, что вмешательство ее в австро-сербский конфликт вызвано незаконным стремлением захватить протекторат над славянскими народами южной Европы, а следовательно в покушении на Австрию, члена тройной лиги. Такое обвинение было необходимо, чтобы доказывать Франции и Англии, что Россия в сущности стремится к той же цели, к какой она стремилась до Крымской войны и против которой в то время эти державы так восставали, что вели даже войну против России.

Эти коварные попытки успеха не имели. И в Париже, и в Лондоне хорошо знают, что не мысль ограждения Европы от русской опасности руководит германской политикой, а желание посеять недоверие между державами тройственного согласия, чтобы тем легче добиться главной цели – порабощения Европы под германскую гегемонию. Австро-сербская война была только предлогом. Она вызвана не жаждой мести за убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда, а необходимостью поражения южного славянства для ослабления России. (...) Настал решительный час. Пулю, выпущенную из ружья, никто не задержит. Первый выстрел, который последует на русско-германской границе, будет началом борьбы, которая затмит своим величием европейские войны прежних времен и может оказаться роковой для многих европейских государств. Это будет крушение не политической системы, а крушение государств, потому что раны, нанесенные этой войной, можно будет залечить только после многих десятков лет, и разоренные, обнищавшие народы будут клясть виновника этой ужасной борьбы из века в век. В Германии к этим проклятиям будущих поколений относятся хладнокровно, в своем высокомерии немцы не допускают даже мысли, что военное счастье может повернуться к ним спиной. (...) Бог правду любит. Он видит, что Россия не искала войны, что она желала дать народу возможность мирно заниматься своими делами, но этому мешает завистливый и полный гордыни враг. Пусть Бог нас и судит. Русские умеют не только умирать, но и побеждать, и пойдут туда, куда поведет их Самодержавный Вождь России... Где дело касается вопроса о национальной самостоятельности, народ поднимается, как один человек» [11]

«Правительственный вестник», выразивший «официальную» точку зрения и по своему стилю изложения схожий с «Московскими ведомостями», 20 июля (2 августа) проинформировал читателей о проведенном в царской резиденции «молебствии о ниспослании победы русскому оружию»:

«От двора Его Императорского Величества объявляется: господам статс-дамам, камер-фрейлинам, гофмейстерам, фрейлинам, господам придворным и прочим кавалерам и всем особам, имеющим приезд ко двору.

Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил: 20-го сего июля иметь приезд к молебствию о ниспослании русскому оружию победы над врагом в Зимний Его Императорского Величества Дворец, в 3 ½ часа дня, вышеписанным особам, а также гвардии, армии и флота генералам, адмиралам, штаб- и обер-офицерам».

Интересно, что в этом же номере и на этой же полосе помещена заметка с сообщением:

«на основании статьи 91 Высочайше утвержденного 16-го июля 1914 года положения о полевом управлении войск в военное время. Его Императорское Высочество Августейший Главнокомандующий¹ приказал закрыть газету «Речь» [22].

Действительно, кадетская «Речь», не одобрявшая вступления России в войну и размещавшая материалы, которые шли вразрез с громкими заявлениями проправительственных изданий, в тот момент вызывала изрядное раздражение как самого императора, так и его родственников и царедворцев, занимавших высокие командные посты. Правда, через два дня издание газеты было возобновлено и с этого момента она уже поддерживала практически все начинания политического и военного руководства. Так, возрожденная газета, как и многие другие издания, привела текст обращения, с которым император обратился к присутствовавшим в Зимнего дворца после молебна:

«С спокойствием и достоинством встретила наша великая матушка-Русь известие об объявлении нам войны. Убежден, что с таким же чувством спокойствия мы доведем войну, какая бы она ни была, до конца.

Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли Нашей...» [1]

Во многих источниках и исследованиях уделялось внимание резко возросшей в начале войны нетерпимости к «инородцам» и «иноверцам» - в первую очередь, конечно, к немцам. Газеты, подобные «Руси православной», которая и в мирное время отличалась крайне негативным отношением ко всему «неправославному», подчеркивали, что война идет в первую очередь ради защиты братьев по вере:

«ныне Россия нежданно вовлечена в брань с врагами. Предстоит защищать не только братьев наших по вере, но и постоять за славу нашего Царя, за честь и величие Родины. Воины русские. Грядите с Богом на поле брани. Да увенчает Господь оружие ваше победою. Явите врагам нашим воинскую доблесть, искони присущую русскому воину» [18].

Такие издания через несколько месяцев будут активно продвигать идею о «надзоре над иностранцами», «выдворении», «наказании» и примут участие в разворачивавшейся шпионской истерии.

Другие газеты, также отличавшиеся лояльностью и преданностью властям, но не столь радикальные, напротив, обращали внимание на то, что не национальная принадлежность, а нечто другое делает человека патриотом – пусть даже и чужого ему «по рождению» государства. Например, «Новое время», издававшееся товариществом А.С.Суворина и от умеренно-либеральных воззрений перешедшее к верноподданническим, летом 1914 года размещало вполне лояльные к «инородцам» материалы, подробно разбирая причины войны и рассказывая об удивительной способности русского народа консолидироваться перед лицом опасности:

«Стихия русской жизни и главным образом живой носитель безгранично широкого русского духа – наш чудный, неистощимо богатый язык – преоплачивает в течение нескольких поколений, а иногда даже и нескольких лет, в самых пламенных русских патриотов людей с чуждыми русскому слуху именами. Даль, (...) Дельвиг, (...)

¹ Великий князь Николай Николаевич

Барклай-де –Толли – и сколько еще таких имен можно привести! – навсегда останутся бессмертными памятниками таких культурно-национальных перевоплощений. (...). Казалось бы, в минуту внешней опасности должна неизмеримо возрастая инстинктивная подозрительность ко всякому иноплеменному элементу. В действительности же наблюдается как раз обратная картина: в общем порыве любви к России и любящей тревоге за нее угасает всякая неприязнь и отчуждение. Все связаны одним чувством!» [23]

В патриотическом порыве отдельные сотрудники «Нового времени» публиковали материалы из разряда «было бы смешно, когда бы не было так грустно»: например, М.Меньшиков в статье «Должны победить» уверяет, что война может стать едва ли не аналогом оздоровительного санатория для «ослабленных организмов»:

«Конечно, война прежде всего тяжкий труд, но труд здоровый, в который человек быстро втягивается. Для молодых людей солдатского возраста пройти ежедневно десять – двадцать верст – вещь вполне посильная. А все эти привалы, обеды в чистом поле, дневки, ночевки в лагере, костры, караулы, разведки, постоянная готовность к бою – разве все это не сплетается в узорную ткань ощущений необычайных, обаянных красотой, неуместимой ни в какое воображение? Замечательный факт, удостоверенный в каждой войне. Не совсем здоровые люди, идущие на войну, чудесным образом здороваются. Они невольно тренируются, сбавляют вес, загорают, закаляются, приобретают омоложенные кислородом воздуха легкие, более энергичное сердце, более упругую мускулатуру. (...) Война – или развенчивание, или коронование народное. Выберем же последнее! Народу русскому после недавних неудачных или сомнительных войн необходимо победить, дабы вернуть как будто утраченное обаяние среди соседей. Необходимо победить, чтобы вернуть поколебленное уважение к самому себе» [10]

Первые военные операции, без сомнения, вдохновили как рядовых солдат, так и командование, и руководство государства. В периодической печати появляются заметки о том, как радостно встречают русских воинов на территориях, еще недавно занятых германскими и австро-венгерскими войсками. Например, «Вестник войны» анализирует перспективы наступления в Моравии и Чехии, опираясь на сведения о реакции мирного населения на появление наших войск:

«На австрийском театре войны наступление русских войск продолжается с удивительной быстротой и успешностью... русская кавалерия появилась уже на перевале Карпатских гор.

И вместе с тем, известия, получаемые из Галиции и Буковины, констатируют, что во многих местностях этих «неприятельских» стран наши войска встречаются населением далеко не враждебно, а в некоторых – даже радостно. Эта, так сказать, политическая сторона наших военных успехов чрезвычайно знаменательна. (...) И если в Галиции наши войска теперь чувствуют себя почти «среди своих», то как же они будут себя чувствовать в Моравии, например, или в Чехии?» [25]

Многие операции осени 1914- начала 1915 года были связаны с необходимостью расположить русские войска наиболее выгодно в свете перспектив осады Перемышля (Пржемышля)². Но часть газетных заметок дает понять, что как политики и журналисты, так и многие военачальники тогда еще не отдавали себе отчета, насколько сложной окажется осада города-крепости и сколько сил для достижения результата придется приложить. Например, ежедневная вечерняя газета «Вестник войны» писала:

«Если наши войска успеют догнать их³ до переправы через Сан, то решится не только их участь, но и участь тех крепостей, куда австрийцы направятся. Если же, паче чаяния, им удастся благополучно выбраться, то нашим войскам придется немного поработать под Пржемышлем и Краковом.

Что же касается западной Польши, то немцы, даже не ожидая нашего наступления, очищают позицию за позицией, так что нашим головным кавалерийским частям приходится только занимать опустошенные и покинутые немцами пункты. Единственно, что они еще удерживают за собой, это Калиш, который они укрепляют, так как хотят превратить его в негодный опорный пункт для Бреслава и Познани» [12].

² Осада Перемышля, считающаяся крупнейшей за все время Первой мировой войны, началась в сентябре 1914 года

³ Имеются в виду австрийские части

Фраза «немного поработать над Пржемышлем и Краковом» явно говорит о недостатке информации, имевшейся на тот момент относительно масштабов предстоящей операции...

Большое внимание всегда уделялось потерям противника: «Новое время» после наступления в Галиции пишет:

«На востоке наши отряды подходят к Перемышлю. Быстрота движения исключает возможность выяснения австрийских потерь, достигающих колоссальных размеров. По полученным сведениям австрийцы потеряли убитыми и ранеными около 250 000 человек. Взято свыше 400 австрийских орудий и много знамен. (...) Германская помощь не спасла австрийцев от полного поражения и только увеличила общие итоги русской победы» [19]

Каждая успешная операция (если, конечно, ее подготовка и проведение не относились к разряду военной тайны) освещалась на страницах газет с многочисленными комментариями. В «Вестнике войны» в статье «Конец» подробно рассказывалось о разгроме трех австрийских армий на фронте Люблин — Томашов — Львов в конце августа 1914 года и бегстве остатков этих армий в направлении Перемышля (Пржемышля) и Кракова. Военные операции 28—30 августа 1914 года названы «великой победой русских войск»:

«При создавшемся положении, русское наступление может пойти по новым путям, ограничившись заслоном против австрийских твердынь. Каковы эти пути — покажет будущее, а пока мы стоим перед грандиозной, небывалой в истории войны, новой русской победой. В полтора месяца русские воины расправились с миллионной немецкой армией и очистили себе дорогу к сердцу вражеской монархии. Вести с Юга о непрекращающемся наступлении сербов, сообщения из Франции о новых победах союзников, переход в наступление Бельгии — все это указывает, что началось то великое, что поставлено на знаменах союзников — уничтожение отвратительного австро-германского чудовища» [9]

«Правительственный вестник» 14 сентября 1914 года сообщает: «Руководство сражением к югу от Перемышля, которое длится уже 10 дней, находится в испытанных руках генерала Брусилова. Потери австрийцев, смешавших здесь полки всех корпусов, огромны» [20]

И в то же время в некоторых изданиях можно увидеть признание в нехватке информации, в трудностях, возникающих при попытке оценить значимость того или иного военного события. Так, в газете «Русское слово» в начале ноября 1914 года была размещена заметка «По местам боев» за подписью В.Обнинского:

«Мы мало знаем об осаде Пржемышля. Как самая крепость, так и блокирующая ее часть здешней армии остаются как-то вне общественного внимания, устремленного на другой фронт и уже предчувствующего иные перспективы; а, между тем, у Пржемышля происходили серьезные бои, штурмы и выступления осажденной австрийской армии, исчисляемой и сейчас в 30-40 тысяч человек. (...) В настоящее время (28.X) положение крепости становится критическим. Обойденная со всех сторон движущимися к Кракову войсками, она будет отрезана и от Карпат, почему сдача гарнизона или отчаянная вылазка его неминуемы.

Всякие атаки считаются чуть не праздниками: возможность пробежаться или проехаться, хотя бы и под убийственным огнем, вносит разнообразие в монотонную жизнь осаждающих и дает, кроме того, некоторое представление о состоянии осажденных. Состояние это, по видимому, нехорошо...» [15]

После сдачи Перемышля, последовавшей 23 марта 1915 года (к этому моменту масштабы этой военной операции были уже вполне ясны) общество охватила эйфория, явственно прослеживающаяся и на страницах газет. В иллюстрированном приложении к «Новому времени» размещают фотографии германских военнопленных, которых ведут по Невскому проспекту мимо Гостиного двора и Публичной библиотеки [14]; «Утро России» взахлеб рассказывает о «настроениях в обществе»:

«Тротуары запружены нарядною толпою.

И вдруг один из студентов-манифестантов, идущий впереди, подает товарищам какой-то секретный сигнал... Вспыхивает восторженное «ура», и часть студентов стремглав бросается к тротуару и неожиданно поднимает на руки «кого-то в сером», скромно наблюдавшего до того времени среди другой публики...

Этот «кто-то в сером» - офицер нашей армии... (...)

- Господа, избавьте, я не был под Перемышлем... Я совсем с другого фронта... Я даже не в строю, господа... Я в штабе корпуса!

- Это для нас безразлично! Вы – русский офицер... Мы знаем только, что Перемышль взят русской армией и что победила Россия! Ура!» [4]

В «Русском слове» от 3 апреля 1915 года можно прочитать подробный рассказ о сдаче крепости с указанием количества взятых в плен «9 генералов, 3500 офицеров и 130000 нижних чинов»:

«...простым глазом стали видны ряды белых флагов на неприятельских фортах и укреплениях. Ликование, по словам очевидцев, было неопишное, словно преждевременно настал Светлый праздник. Осаждающие, без различия чинов, поздравляли друг друга и целовались, как братья. Ясное весеннее солнышко делало этот исторический момент еще радостнее» [16]

Но постепенно в России начали осознавать, что даже после победоносного окончания войны (в котором большинство тогда не сомневалось) последует серьезный пересмотр территорий и границ в Европе. Поэтому на страницах многих газет начинают появляться аналитические материалы, посвященные возможным направлениям внешней политики – как в ближайшее время, так и в отдаленной перспективе. В апреле 1915 года «Русское слово» публикует статью «Скандинавия», в которой рассматривается необходимость налаживания отношений со Швецией – невзирая на все былые противоречия и конфликты:

«Теперьшняя война вскрыла, между прочим, истину взаимоотношений России и Швеции. (...) Швеция для России никогда не была в полном смысле слова европой, т.е. европейской величиной, могущей быть нам полезной в культурном и экономическом смысле. (...) Если до сих пор Россия воевала почти исключительно за свою миссию на Востоке, теперь она бьется целиком за свое место на Западе. В этом смысле война эта является продолжением великого дела Петра... Как путь к Царьграду лежит через Варшаву, так путь в Лондон лежит через Стокгольм. (...) Говоря прямо, в Скандинавии мы должны застраховать нашу дружбу с Англией. (...) Если наш новый путь к Западу лежит через Скандинавию, во многом столь родственную нам, - пробил час подумать, как в корне изменить наши отношения с маленькой чрезвычайно честной, опрятной, способной, но подозрительной и самолюбивой соседкой» [24]

Взятие Перемышля оказало сильное влияние на настроение в обществе и действующей армии, хотя время показало, что говорить об окончании войны было еще очень рано. В «Новом времени» 5 апреля 1915 года вышел материал «Заметки о войне»: автор достаточно подробно рассматривает ситуацию на фронтах и сообщает о явном желании вражеской коалиции завершить войну и, возможно, заключить сепаратный мир с Россией, хотя признает, что в стане противника бытует уверенность в победе над Россией в случае продолжения военных действий:

«Уже после падения Перемышля в Австро-Венгрии все более и более стали раздаваться голоса о безнадежности продолжения борьбы и о желании заключить сепаратный мир с Россией. (...) Однако, все эти более или менее вероятные слухи о настроениях в Австро-Венгрии еще не значат, что мир с нею может быть заключен в ближайшем будущем. Во-первых, этого всеми силами будут стараться не допустить германцы, которые не только влили в состав австрийской армии шесть своих корпусов, но еще приобрели несомненное влияние на высший командный состав этой армии. Кроме того, Россия вместе со свтими союзниками согласилась бы на заключение мира с Австрией только в том случае, если бы последняя не только пошла на уступки, которые ей будут предъявлены, но и предоставила бы свою территорию для беспрепятственного действия союзных войск против Германии. На это последнее в данную минуту Австрия, пожалуй, не согласится» [8].

В этой же газете на следующий день разместили объявление «Подарки воинам», которое дает достаточно четкое представление о том, в чем особенно остро нуждались солдаты на передовой – о далеко не блестящем, увы, снабжении русской армии в годы Первой мировой войны в мемуарах и исследованиях написано достаточно много:

«Подарки для отсылки воинам на передовые позиции (белье холодное, сапоги, табак, мелочи, короткие полотенца, платки, портянки, сало для смазывания ног в маленьких баночках, мыло в виде яиц, нитки, иголки, пуговицы и английские булавки, почтовая бумага, конверты, карандаши, папиросы, чайные кружки, деревянные ложки, складные ножи, карманные электрические фонарики, кожаный товар, дратва и шилья для починки обуви, гармоника) принимаются в редакции газеты «Новое время...» [17]

В середине июля 1915 года начинается «Великое отступление». Тон газетных заметок несколько меняется. В «Правительственном вестнике» № 485 от 15 июля 1915 года размещен Высочайший указ Сенату от 10 июля — призвать на военную службу юношей 1896 года рождения (18 лет):

«Именным Высочайшим Указом, данным Правительствующему Сенату 10-го сего июля, Государь Император Высочайше повелеть соизволил: для пополнения армии и флота призвать на действительную военную службу молодых людей, родившихся в 1896 году» [21].

«Маленькая газета» в отличие от многих более серьезных изданий достаточно откровенно и непредвзято информировала читателя о положении российской армии на фронте. В начале июля 1915 года она сообщает:

«неприятель, усилив свои войска в северной части Риго-Шавельского района, 1-го июля перешел в наступление от Газенпота в направлении к Гольдингену, а также на участке от Шрундена до Попелян. Наша конница и передовые части задерживают неприятеля на переправах через Виндаву и Венту и на других удобных позициях» [13]

На исходе первого года войны становится понятно, что война приобретает затяжной характер. Скорее всего именно осознанием этого факта продиктовано содержание приказа Николая II армии и флоту, опубликованного в «Правительственном вестнике» от 19 июля 1915 года:

«С гордостью и умилением взирает на вас все Отечество наше и с гбулокой благодарностью к подвигам вашим относятся верные союзники России.

Несмотря, однако, на всю проявленную вами беспримерную доблесть, силы врага не сокрушены, и много усилий и упорства потребуется еще, чтобы вновь вернуть России блага мирной жизни. Да не сокрушаются сердца ваши и да не падет дух ваш перед предстоящими новыми испытаниями и новыми жертвами...» [3]

Но в любом случае заголовки и (большей частью) содержание газетных материалов должны были внушать уверенность в том, что все неудачи — временные. Достаточно характерны для того периода войны заголовки наподобие «Яростные атаки немцев не сломили твердыни русских богатырей» [26].

Снова поднимаются на щит идеи о «засилье немцев», о «шпионах», о необходимости высылки иностранных подданных: например, Государственная дума на заседании 3 августа обсуждала «немецких колонистов», слишком высокий процент лиц немецкого происхождения в органах власти и так далее. «Большинством голосов правых, центра и кадет решено учредить особую комиссию по борьбе с немецким засильем». [5] Статьи об этом размещаются под заголовками наподобие «День наболевшей правды»...

Несмотря на то, что в конце августа 1915 года ситуация складывалась неблагоприятно для русских армий, «Правительственный вестник», как официальный печатный орган, сообщает о неудачах очень аккуратно:

«На направлениях от Гродны к юго-востоку, на Скидель, и вдоль левого берега Немана, в районе устья реки Росс, наши войска упорными боями 26-го августа сдерживали наступление противника, единственно с целью нанести противнику потери. Особенно настойчивые атаки последний ведет в районе Скидель. Мы продолжаем наш планообразный отход, временами переходя в контр-атаку...» [2]

По мере нарастания неудач на фронте в материалах газет увеличивается количество пробелов, возникавших в ходе цензурирования. Так, практически наполовину из белого поля

состоят материалы «Заметки военного», «Под Вильной» в газете «Утро России» от 8 сентября 1915 года. То, что осталось, все же дает представление о сложности положения в прифронтовой полосе:

«С начала августа противник ведет упорные бои в районе Вильны, вводя все новые и новые силы в образованную здесь группу армий фельдмаршала Гинденбурга. К 10 августа ему удалось отгеснить наши войска на линию Евье-Мейшаголы, верстах в 20-25 к западу от Вильны, что непосредственно угрожало безопасности города. В Вильне началось массовое бегство жителей, замерла всякая торговля; железные дороги оказались не в состоянии справиться с внезапно нахлынувшим потоком беженцев и прекратили прием багажа.

Но скоро все успокоилось...» [7]

Такие «качели» - от ура-патриотизма к трезвому взгляду на вещи, от статей о единстве до предложений высылать «иногородцев», от славословия до признания (пусть осторожного) ошибок командования - возникали в ходе войны не раз. В подтверждение высказанных в начале статьи тезисов еще раз обращаем внимание, что изучение российской периодической печати начала XX столетия в свете изучения политических и военных потрясений того времени представляется интересным и перспективным.

1. В Зимнем дворце // Речь. № 193 (2862), 1914
2. Война. От штаба верховного главнокомандующего // Правительственный вестник. № 190, 1915
3. Война. Приказ армии и флоту // Правительственный вестник. № 489, 1915
4. В Перемышле // Утро России. № 84, 1915
5. Государственная дума (заседание 3-го августа). День наболевшей правды // Маленькая газета. № 213, 1915
6. Единомышление // Московские ведомости». № 166, 1914
7. Заметки военного // Утро России. № 246, 1915
8. Заметки о войне // Новое время. № 14032, 1915
9. Конец // Вестник войны. № 9, 1914
10. Меньшиков М. Должны победить // Новое время. № 13797, 1914
11. Москва. 19 июля. Война объявлена // Московские ведомости. № 168, 1914
12. На нашем фронте // Вестник войны. № 6, 1914
13. На фронте Риго-Шавли неприятель переходил в наступление // Маленькая газета. № 180, 1915.
14. Новое время (иллюстрированное приложение). № 14031, 1915
15. Обнинский В. По местам боев. Под Пржемышлем // Русское слово. № 255, 1914
16. Около войны. Перемышль. Как сдалась крепость // Русское слово. № 75, 1915
17. Подарки воинам // Новое время. № 14033, 1915
18. Послание Св.Синода // Русь православная. № 68, 1914
19. Последние известия. Результаты наших успехов в Галиции // Новое время. № 13823, 1914
20. Последние известия // Правительственный вестник. № 237, 1914
21. Правительственный вестник. № 485, 1915
22. Санкт-Петербург // Правительственный вестник. № 160, 1914
23. Санкт-Петербург, 17 июля // Новое время. № 3774, 1914
24. Скандинавия // Русское слово. № 77, 1915
25. Среди «Своих» // Вестник войны. № 4, 1914

26. Яростные атаки немцев не сломили твердыни русских богатырей //
Маленькая газета. № 200, 1915.